

Формирование «православной цивилизации»

Ольга Церпицкая

Последние годы российские власти и ряд общественных объединений активно используют и развивают идею **«православной цивилизации»** как некой историко-политической данности, которая соединяет как минимум Россию, Белоруссию и Украину, а как максимум ещё ряд государств, некогда объединенных православием и имеющих поэтому особую цивилизационную связь. Правда, связь эта все реже отождествляется и с православием, и с православными церквями. Но кажется, что они уже сыграли свою историческую роль в интеграционных процессах, то есть они уже когда-то сформировали «духовно-культурную матрицу, общую для всех православных народов»¹, повлияли на их мировоззрение, систему ценностей и образ жизни, которые теперь существует во «внецерковном пространстве».

В основном, начиная разговор о феномене «православной цивилизации», вспоминают С. Хантингтона и его цивилизационную классификацию, которая, безусловно, довольно спорна.

Так, американский классик геополитики включает в территорию «православной цивилизации» Россию, Белоруссию, Украину, Болгарию, Македонию, Сербию, Грузию, Армению и Румынию, к которым также присоединяет Казахстан, Татарию и Башкирию². Ход мыслей Хантингтона ясен только на первый взгляд: не мог такой авторитет не понимать, что часть террито-

рий, им обозначенных как составляющая «православной цивилизации», к православию, его культуре, как и к каноническим территориям православных церквей, не имеют никакого отношения.

В этой связи выдвигается даже теория (С. Хатунцевым, например), что сам термин «православная цивилизация» не более чем своеобразная идеологическая диверсия со стороны Хантингтона, которая закладывает основы для будущих сепаратистских процессов и развития религиозного фундаментализма³. Теория эта не

ЦЕРПИЦКАЯ Ольга Львовна – кандидат политических наук (Санкт-Петербургский государственный университет). *E-mail:* tserpitskaya@rambler.ru

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, православное единство, «православная цивилизация», восточноправославная цивилизация.

безынтересна, учитывая все реалии современной России и мира: и сепаратизм, и фундаментализм – налицо, и те государства, которые мы исторически привыкли считать исконно православными, не исключение в этих процессах. Действительно, существует опасность слепого следования теории Хантингтона: навязывание участия в «православной цивилизации», которой невольно (по отношению к термину) следовал и СССР.

С. Хатунцев обращает внимание на то, что по отношению к Балканам и Восточной Европе стратегическая задача России состоит не в военно-политической и (или) экономической интеграции этих территорий. Общее количество неудач на этом «фронте» уже должно само по себе приводить к подобному выводу.

Россия же должна помогать сохранять культурную «инаковость», которая по отношению к коренной германско-романской Европе и заключается в «славяности» и «православности»³. Однако помощь и поддержка не должны переходить определенных границ, что для государства довольно затруднительно. Вот здесь особую роль могут и должны сыграть межцерковные связи.

Правда, говоря о межцерковных связях, необходимо вспомнить и тот факт, что зачастую хрупкое православное единство нарушается конфликтами, связанными с вопросами канонических территорий и юрисдикции. Эти конфликты, как правило, обусловлены национально-политическими факторами и нередко подогреваются светскими властями, преследующими свои геостратегические интересы. В данном случае помочь в разрешении конфликтов может только внутреннее единство православия, основанное на догматической базе православных церквей.

В 2006 г. автором было выделено три основных направления совместной деятельности Русской Православной Церкви и Российской Федерации:

– «югославское» – сплочение государств, которые опасаются именно физического вторжения миротворческих сил (преимущественно Восточная Европа, Балканы);

– «антиамериканское» – сплочение стран, не желавших мириться с «однополярностью» мира по религиозному и (или) национальному признаку (Греция, «восточное направление»);

– выход Русской Православной Церкви из «организационной изоляции» – активное участие ее в деятельности европейских международных организаций⁴.

Более близкое направление, СНГ, на тот момент практически утратило актуальность, и, надо отметить, в нем пока не намечается новой активности.

В случае с межправославным взаимодействием в «зоне охвата» оказывается достаточно широкий круг: все древние православные церкви и православные церкви Европы. К сожалению, понимают это и те политические силы, которые направляют Константинопольский Патриархат. Если примерно до 2006 г. еще могло казаться, что Патриарх Константинопольский Варфоломей просто иначе трактует канонические правила и действует в соответствии с этим, то сегодня, после наложения проблем межгосударственных и межправославных, вырисовывается не просто ряд совпадений, а вполне конкретная закономерность, в соответствии с которой роли церкви придается большое значение (а еще большее – роли церковного раскола). К сожалению, все (или почти все) церковные проблемы на территории бывшего СССР в этой закономерности

представляются частями одной мозаики.

Действительно, существующая проблема 28-го правила IV Вселенского Собора (о поставлении епископов «у иноплеменников» Понтийской, Асийской и Фракийской областей)⁵ дала Константинопольскому Патриархату уверенность в том, что он, и только он, имеет право церковной юрисдикции не только в своих территориальных пределах, а и во всем мире.

Когда в 1922 г. Патриарх Мелетий (Метаксакис) представил свою трактовку данного правила, на основании которой Патриарх Константинопольский объявил себя главой всей православной диаспоры*, Русская Православная Церковь по понятным причинам участия в богословском диалоге не принимала и сейчас не принимает ее как аксиому. Однако определенным политическим силам на сегодняшний день выгодно эксплуатировать данную трактовку и поддерживать самые спорные из ее производных.

Например, учреждение второй юрисдикции на одной территории, как в случае с Эстонией⁶, или автоматическое принятие клириков под константинопольскую юрисдикцию (как это было в Англии⁷).

Но самая тенденциозная – это претензия на первенство духовенства константинопольской юрисдикции в представлении всех православных на данной территории.

Таким образом, и усложнившаяся ситуация на Украине развивается без участия Константинопольского Патриархата. Сложно представить (так как информация эта останется закрытой еще надолго), каких усилий стоило лично Святейшему Патриарху Алек-

сию II, представителям Отдела внешних церковных сношений (ОВЦС) и российского МИД удерживать церковь на Украине от очередного раскола во время торжеств в 2008 г., когда казалось, что Патриарх Константинопольский Варфоломей не сможет отказать от подарка президента Ющенко – ряда украинских приходов.

Ситуации с приходами в Молдавии (появление Бессарабской митрополии Румынской Православной Церкви) и расколом в Болгарии (Конституционный суд страны, а в начале 2009 г. и Страсбургский суд по правам человека принял сторону раскольников⁸) не столь уже удивительны: там, где с 2001 г. Русская Православная Церковь проводила политику единства и объединения, почти естественными представляются и усилия других политических сил, которым выгодна нестабильность в регионах по разъединению.

Нередко православные государства оказываются втянутыми в политические конфликты.

Например, 9 декабря 2008 г., после отпевания и погребения Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, Католикос-Патриарх всея Грузии Илия II встретился с Президентом России⁹.

Разумеется, само содержание беседы станет известным, только когда Патриарх или Президент сочтут возможным предать его огласке, но сам факт встречи явился своеобразным итогом определенного витка государственной политики, которую современные российские политики начали проводить вполне в духе и традициях Российской империи и СССР, и проводить довольно успешно. Стоит отметить, что

* Диаспорой считаются все страны, которые не входили в каноническую территорию тех или иных поместных церквей.

в период грузино-осетинского конфликта (2008 г.) позиция Русской Православной Церкви была, пожалуй, более уверенной. Это вполне понятно, так как, поддерживая действия российских миротворцев, она поддерживала тех, кто защищал беззащитных. Однако именно в разгар конфликта прозвучали заявления, что его ни в коем случае нельзя превращать ни в национальный, ни в религиозный, что суть его лежит в чисто политической плоскости.

Таким образом, отношения между историческими православными странами сегодня далеки от стабильных, а зачастую просто от нейтральных (не говоря уж о дружественных связях). О каком же единстве, казалось бы, может идти речь?

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл во время своего посещения Белоруссии внезапно сместил акценты дискуссии о «православной цивилизации»: «Мы все вместе образуем одну цивилизационную общность: русские, украинцы, молдаване, белорусы – все те, кто принадлежит к Русской Православной Церкви»¹⁰. Фактически, Патриарх провозгласил «восточноправославную цивилизацию» вместо «общеправославной», причем основа этой цивилизации – актуальная принадлежность к Церкви, а не гипотетическая историческая общность. Можно даже с известной осторожностью предположить, что Патриарх имел в виду формирование (или перспективу формирования) суперэтноса, и, вероятно, это и есть ответ «православной цивилизации» в трактовке Хантингтона.

Безусловно, идея Патриарха в чем-то перекликается с идеей «русского мира», но речь все же идет отнюдь не о соотечественниках.

Обратим внимание, что, хотя в трактовке «Русского мира» основополагающим фактором является православие, однако среди остальных – язык, культура и общность истории, то есть все то, без чего, за исключением последнего, «православная цивилизация» может существовать.

Вообще говоря, термин «православная цивилизация» уже достаточно укоренился в сознании населения. Под этот термин подводится уже определенная база, например, «православная культура», которая трактуется довольно широко.

В качестве примера можно привести точку зрения игумена Георгия (Шестуна): «Следует рассматривать православную культуру как культуру Православной цивилизации, или можно ее назвать духовно-нравственной культурой Православной цивилизации (ДНК Православной цивилизации).

<...> Самое поразительное в нашей культуре то, что, находясь в атмосфере Православной цивилизации, дыша ее воздухом, вдохновляясь ее высокими идеалами, лучшие представители национальных культур, люди иных вер настраивались на ее тон и вносили свой голос, свою лепту в копилку культуры Православной цивилизации.

<...> В рамках цивилизации национальные культуры перерастали себя, превосходили этнический уровень и становились частью цивилизационной культуры, а значит, и частью мировой <...>¹¹.

Эта тенденция – не характеризовать цивилизацию как некий «ценностный монолит» – чрезвычайно важна на современном этапе развития идеи «православной цивилизации», так как она позволяет допустить существование в рамках цивилизационной общности различных ценностей, сформированных различными же вероучениями.

Можно констатировать, что идеи А. С. Панарина о нашей цивилизационной идентичности (в которой нам долго отказывали и призывали обратиться к опыту, хоть и чужому, но более «прогрессивному») нашли отклик в умах

людей. Но налицо и другой процесс – в противоположность Хантингтону: в России все больше говорят о необходимости формирования «православной цивилизации» внутри самой России (хотя бы для начала) и о культуре как о связующем звене между православием (аполитичным по сути своей) и сферой цивилизации (предполагающей все же некоторую политическую составляющую)¹², то есть само понятие «цивилизация» из наднационального превращается в России (и применительно к России) в терминологическое подобие «национальной идентичности».

Все это отчасти, но не до конца проясняет, почему Патриарх заговорил все же не о единстве православных церквей (которое национальной идентичности на данном историческом этапе не только не поможет, но и повредит), а о единстве народов в границах церкви. Здесь необходимо вспомнить, что взаимное признание церквей внешне выражается в литургическом общении. Для достижения единства это явление чрезвычайно важно, но, к сожалению, не только оно может повлиять на ход событий.

Сегодня можно утверждать, что идея единения православных церквей лежит, в том числе, и в основе ряда политических, военно-политических проектов и союзов стран, где православие – государственная религия. (Именно для этих союзов чрезвычайно важно трактовать «православную цивилизацию» как культурно-историческую общность.) Разумеется, сами предстоятели православных церквей регулярно встречаются для решения важных вопросов, и это дает свои положительные результаты. Более того, возобновились процессы по подготовке Великого и Святого Всеправославного собора, которые были прерваны в начале 90-х годов (в силу различных, чаще политических, обстоятельств)¹³.

В политически раздробленных государствах и регионах вера и принадлежность к единой церкви – то немногое, что может сплотить людей, поэтому нападки на церковное единство, очевидно, будут продолжаться и усиливаться. Но именно это единение внутри церкви и позволило Патриарху в своем выступлении сузить цивилизационную модель от «православной» до «восточноправославной». Ведь именно церковь создает для верных те условия, при которых они могут ощущать себя частью одного целого, несмотря на государственные границы.

Стоит отметить, что понимание церкви в развитии концепции «православной» или «восточноправославной цивилизации» занимает важнейшее место. Церкви нельзя воспринимать как некие культурные сообщества, которые противопоставляются друг другу, но и как наднациональную общность, так как существует опасность углубиться в идеи интернационализации, не вполне уместные в данном контексте.

У Русской Православной Церкви есть одна очень сильная сторона, которую трудно оспаривать: Русская Православная Церковь на данном историческом этапе – единственная крупная церковь, не допускающая и не допускавшая догматических изменений либо изменений традиционного представления о богослужении и церковной жизни. Русское православие на сегодняшний день остается одним из немногих, которое может свободно вести диалог с представителями иных конфессий или светских организаций, не идя ни на какие уступки, так как ему невозможно указать на ранее совершенные послабления ради других переговорных процессов. И именно этот положительный момент становится отправной точкой в необходимости поиска союзников для защиты моральных ценностей, которые представляет Русская Церковь. Среди западного христианско-

го мира важным помощником является Римско-Католическая Церковь и ряд протестантских общин. Разумеется, все стороны понимают и общность своих морально-нравственных критериев, и различия, которые не позволяют сблизиться более необходимого.

Стоит прислушаться к мнению игумена Филарета (Булекова), который высказал мысль: «выявление „православной цивилизации“ как общности – это не данность, а задача»¹. Возможно, с ее решением поможет справиться Всеправославный собор (если он состоится).

В любом случае простое сложение национальных церквей не даст цивилизации – для столь сложного явления нужны более прочные основания, да и само понятие «национальная церковь» уже само в себе исключает глобальность. А вот «те общности, которые имеют долгую историю и традицию, а имен-

но духовно-религиозные культурные общности разных народов и этносов, которые как живут в границах одного государства (как, скажем, в России), так и выходят за эти границы (как в случае с пространством пастырского окормления Русской Православной Церкви)»¹, уже могут претендовать на формирование цивилизационной общности. Ведь такие церкви способны, не препятствуя государственному строительству, объединять людей в цивилизационном пространстве и одновременно способствовать формированию национальной идентичности (что актуально для России в свете частичного слияния понятий «православная цивилизация» и «национальная идентичность»). Не занимаясь политикой, создавать связи более прочные, чем может предложить государство, ведь «Церковь соединяет в себе вселенское начало с национальным»¹⁴.

Примечания

- ¹ Филарет (Булеков), игумен. Отношение Русской Церкви к вопросам национального и государственного строительства // Церковь и время. 2009. № 4 (49). С. 38, 42, 40.
- ² Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003.
- ³ Хатунцев С. «Православная цивилизация» как «идеологическая диверсия» Запада? // <http://www.sorokinfond.ru/index.php?id=1212>
- ⁴ Церпицкая О. Л. Взаимодействие Русской Православной Церкви и Российского государства в мировом сообществе. СПб., 2006. С. 144.
- ⁵ Никодим (Милош), епископ. Правила Вселенских Соборов: Правила Четвертого Вселенского Собора, Халкидонского: Правило 28 // http://azbyka.ru/dictionary/10/nikodim_pravila_tserkvis_tolkovaniyami_157-all.shtml
- ⁶ Сафонов Д. Патриарх Алексей вывел обсуждение проблемы Эстонской Православной Церкви на высший уровень // <http://www.pravoslavie.ru/analit/patriarchestonia.htm>
- ⁷ Петр (Скорер), протодиакон. «Теперь, когда Церковь освободилась, она добровольно стала рабом государства» // http://www.religare.ru/2_30503.html. 14.06.2006.
- ⁸ <http://www.newsru.com/religy/11mar2009/bulgaria.html>
- ⁹ <http://www.patriarchia.ru/db/text/506144.html>
- ¹⁰ Визит Патриарха: что Кирилл делал в Беларуси? // <http://www.interfax.by/article/52458>
- ¹¹ Георгий (Шестун), игумен. Православная культура – культура Православной цивилизации // <http://www.fondiv.ru/articles/1/164>
- ¹² Бульчев Ю. Ю. Православие, Россия и современная цивилизация // http://chri-soc.narod.ru/bulpravoslavie_rossia.htm
- ¹³ Иларион (Алфеев), архиепископ. Защита внешних рубежей Церкви – приоритетная задача в деятельности Отдела внешних церковных связей // Церковь и время. 2009. № 4 (49). С. 20–21.
- ¹⁴ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви // <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html>